

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ЗОНА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПРОСТРАНСТВО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Гавриленко Станислав Михайлович – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: o-s@proc.ru

В данной статье предпринимается попытка определить историческую эпистемологию не как выделенное место в дисциплинарном пространстве, а как весьма специфическую область, чья устойчивая конфигурация и «состав» определяется отличными от философии способами говорить о знании и его исследовать, прежде всего, в социальных дисциплинах. Важным было не столько то, что в лице социологии, истории, антропологии и пр. философия получила конкурентов в деле производства знания о знании, а в том, что ими был введен радикально отличный режим этого производства. Он стал эмпирическим. В этом режиме знание объективируется не как однородный порядок представления, а как нечеткое динамическое множество гетерогенных элементов, находящихся в сложных и исторически варьирующихся отношениях координации. Претензии нефилософских дисциплин на исследование знания порождают зону неопределенностей и проблематизаций, именем которой, собственно, и становится «историческая эпистемология». Но это также зона концептуального воображения, где продумываются новые способы исследовать знание при отказе приписывать ему предельные (трансцендентные или трансцендентальные) спецификации.

Ключевые слова: историческая эпистемология, неопределенность, история и философия науки, социология, множественность, гетерогенность

HISTORICAL EPISTEMOLOGY: ZONE OF UNCERTAINTY AND SPACE FOR THEORETICAL IMAGINATION

Stanislav Gavrilenko – PhD in Philosophy, assistant professor. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: o-s@proc.ru

This article attempts to define a historical epistemology not as separate place in disciplinary space, but as rather specific area, which unstable configuration and “stuff” are determined by quite different from philosophy ways of talking and investigation of knowledge, especially in social sciences. More significant than emergence of competitors of philosophy in production of knowledge about knowledge (sociology, history, anthropology) was that they introduce a new regime of this production. This regime became empirical. Within that regime knowledge is objectified not as homogeneous order of representation, but as fuzzy dynamic set of heterogeneous elements, relations between which are complex and historically variable. The claims of non-philosophical disciplines to investigate knowledge generate the field of uncertainties and problematisations. Just this field is referred to as “historical epistemology”. But this field is also space of conceptual imagination, where the new ways to investigate knowledge are worked on, when refusing to ascribe to it any ultimate (transcendent or transcendental) specification.

Keywords: Historical Epistemology, uncertainty, history and philosophy of science, sociology, multiplicity, heterogeneity.

Нижеследующие, по необходимости фрагментарные и эллиптические, соображения мотивированы статьей Лады Владимировны Шиповаловой «Стоит ли мыслить науку исторически?»¹ [Шиповалова, 2017]. В ней поставлен ряд важных вопросов, но при этом доминирующей модальностью (и «тональностью») рассуждений об исторической эпистемологии становятся «проблематичность», «неопределенность», «двусмысленность» – инструменты диагностики состояния исторической эпистемологии, но также и знаки принципиальных затруднений.

Неизменно пронизательный Жак Ле Гофф еще в конце 1950-х гг. заметил: «Терминология, относящаяся к миру мысли, никогда не отличалась определенностью» [Ле Гофф, 2003, с. 4] – положение, претендующее на то, чтобы быть эмпирически подтвержденной исторической универсалией. Если неопределенность – это неустранимый момент «мира мысли», то именем чего является «историческая эпистемология»? Указывает ли оно на выделенное место в актуальном пространстве дисциплин, место, которое не совпадает ни с философией науки, ни с историей науки, ни с социологией знания, ни с теорией медиа или антропологией, при всей подвижности и пронизаемости границ между ними? Есть серьезные основания ответить «нет». Но не отсылает ли тогда выражение «историческая эпистемология» к некоему порядку утопии и теоретического воображения, т. е. к месту, которое еще только предстоит учредить, где будет заключен желаемый союз универсального (философии науки) и партикулярного (истории науки)? Возможно.

Предположение, которое мы позволим себе здесь сделать (предлагая не более чем набросок ответа на вопрос: именем чего является «историческая эпистемология»²?) и которое требует структурно сложного обоснования, более осторожно, но при этом и более рискованно: разговор об исторической эпистемологии связан с определенным событием (растянутым во времени, и хронологические границы этого

¹ Не менее важен вопрос (особенно в контексте обширного и неоднородного корпуса исследований по «история науки»): «Что значит исследовать науку исторически?». Проблема в том, что история науки пишется более, чем одним способом. Четыре высококлассных и во многом образцовых исследований – по истории науки – «Левиафан и воздушный насос» Шейпина и Шеффера (сделавшие «главным героем» истории, по словам Латуре, не человека, а инструмент) [Shapin, Schaffer, 2011], «Пастер: война микробов» Латуре (одно из классических исследований в рамках акторно-сетевой теории) [Латуре, 2015], «Объективность» Дэстон и Галисона (методологически многим обязанный «истории больших длительностей» Школы Анналов) [Daston, Galison, 2007], «Упрямый Галилей» И.С. Дмитриева [Дмитриев, 2015] – примеры очень различных способов рассказывать эпистемологические истории.

² И какая область ей все-таки соответствует. Наше предположение в том, что ее неустойчивая конфигурация «состав» определяются отличными от философских способами говорить о знании и, что существеннее, его исследовать.

растяжения требуют специального уточнения) – утратой философией интеллектуальной монополии на производство знания о знании. Эта монополия была разрушена, прежде всего, шедшим по многим направлениям вторжением в область эпистемологического анализа (долгое время остававшейся легитимной сферой философских интересов) социальных и исторических дисциплин. Редко вспоминают, что эта «агрессия» была вписана в учредительные акты социологии как дисциплины, претендующей на научную автономию. В своем манифесте новой науки «О методе социологии» Дюркгейм очертил область соответствующих ей «социальных фактов», отличающихся «весьма специфическими свойствами» – «ее (область. – С.Г.) составляют способы мышления, действия и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, в следствие которой они ему навязываются» [Дюркгейм, 1995, с. 31]. Этим положением социология объявила свою претензию быть наукой о мышлении (а значит, о знании и науке), а онтологический принцип его независимого от индивида существования становился гарантией ее дисциплинарной автономии. У этого события многочисленные и очень разнообразные последствия. Но важным было даже не то, что в лице социальных дисциплин (социологии, истории, антропологии и пр.) философия получила конкурентов в деле производства знания о знании, а то, что ими был введен радикально отличный его (производства) режим. Он стал эмпирическим.

Для философии наука (единственно приемлемая модальность знания) – это *порядок представления*. Исследовать науку философски означает исследовать специфическую *форму* представления. Именно она основной предмет философской исследовательской оптики, т. е. тот элемент, который «видит» и различает философия в науке. Приоритетной формой представления, а следовательно, и науки, оказывается пропозиция. Научный порядок пропозиций определяется как *автономный*: элементы вычленяемого эпистемологического ряда (научной теории, дисциплины и т. д.) конституируются двумя системами отсылки: или к другим элементам ряда (как в структуре математического доказательства или в случае применения логических формализмов), или к своим возможным теоретическим и/или эмпирическим референтам. Но при этом стратегия философии применительно к науке заключается в логике идеального конструирования, позволяющей при помощи сложной серии предельных переходов преобразовывать реальные, фрагментарные, рассеянные практики производства знания (с их степенями неопределенности, противоречиями, разрывами, точками схождения и расхождения) в идеальные когнитивные схематизмы и обосновывающие операции, наделяемые статусом универсальности, необходимости и общезначимости. Предельные переходы позволяли одновременно постулировать универсальную сущность

научного знания и операций его производства («научный метод») и претендовать на учреждение эпистемологической нормы, т. е. саму философию науки представить как нормативный метадискурс.

Социальные и исторические дисциплины изменяют способ исследовательской работы со знанием, накладывая принципиальный запрет на логику предельных переходов и вводя иную исследовательскую, эмпирически ориентированную оптику, в пределах которой представление и его пропозициональная форма перестают быть единственным различимым («видимым») элементом науки (и знания). Исследовать знание все чаще означает работать с *нечеткими динамическими множествами* элементов (в принципе остающимися гетерогенными, т. е. принадлежащими к логически различным классам и имеющими различный генезис), находящихся в сложных (как правило, нелинейных) и исторически варьирующихся отношениях координации. Гомогенный порядок представления оказался замещен гетерогенными эмпирическими множественностями. Исходя из этой перспективы, в знании (и науке, превращаемую в одну из его исторических модальностей) начинают различать и исследовать элементы, которые не сводимы к пропозиции как форме представления: лабораторные практики, социальные институты и структуры социального неравенства, непропозициональные формы представления (например, определенные режимы визуальности³), политические стратегии и формы государственного регулирования, научные приборы, гранты и инвестиции и, конечно же, сами исследуемые наукой *вещи*. В центр исследования помещаются *фактические* режимы и модальности знания, что приводит к изменению ландшафта исследований знаний, и его все больше населяют неизвестные философии науки персонажи, порой весьма странные и причудливые⁴. Социальные дисциплины радикально расширили список (и продолжают это делать) рабочих объектов эпистемологического исследования, тем самым, по-своему ответив на вопрос, о чем мы можем (и должны) говорить, когда говорим о знании, мышлении и науке, и что, соответственно, исследовать.

Характерный (но не единственный) пример – современные социологические концепции государства, не достаивающиеся права фигурировать в эпистемологических дискуссиях. Но приведем два

³ Здесь можно было бы привести множество иллюстраций, когда непропозициональные формы представления становятся предметом эпистемологического исследования. В данной связи ограничимся только одним примером – сошлемся на обширную литературу, посвященную картам и практикам картографирования. См., например: [Wood, 2010; Crampton, 2010] и [Turnbull, 2003].

⁴ Показательным примером является недавно реализованный исследовательский проект под руководством Лорэн Дэстон и Элизабет Лунбек, посвященный «историям» (именно так – во множественном числе) научного наблюдения, которое долгое время фигурировало в философии науки как проблема протокольных пропозиций. (См.: [Daston, Lunbek, eds, 2011]).

примечательных высказывания двух выдающихся социологов. «Пытаться осмыслить, что есть государство, значит пытаться со своей стороны думать за государство, применяя к нему мыслительные категории, произведенные и гарантированные государством, а следовательно, не признавать самую фундаментальную истину государства» [Бурдые, 2005, с. 220] – это фраза открывает одну из статей Пьера Бурдые и поражает своей стилистической изощренностью и риторической чрезмерностью. Но она, сопрягая в себе два находящихся в отношении взаимной обратимости плана – план эпистемологического утверждения и план социологического констатации – указывает на то, что не монополизация физического насилия и не формы экономического изъятия являются последним основанием государственного порядка и его баснословной эффективности. Этим основанием оказывается производство категорий мышления (или шире – когнитивных структур), а значит исследовать мышление⁵ – это, в том числе, исследовать государство, и наоборот: в определенном смысле само государство и есть мышление⁶. Второе высказывание принадлежит Джеймсу Скотту: «Чем больше проектов по закреплению оседлости я исследовал, тем больше видел в них попытку государства сделать общество более понятным, организовать население так, чтобы упростить государству исполнение его классических функций – сбора налогов, обеспечение воинской повинности и предотвращение волнений. ...я увидел в “прозрачности” общества для взгляда государства центральную проблему государственного управления» [Скотт, 2010, с. 18]. Государство как взгляд, государство как оптика, государство как инстанция наблюдения, наконец, государство как эпистемологический порядок.

От подобных демаршей социальных наук нельзя просто отмахнуться, заявив, что они работают в режиме метафорических переносов и поэтому говорят не о собственно знании, а в его терминах о чем-то другом. Социальные дисциплины требуют буквального прочтения своих утверждений и готовы предоставить им гарантии в виде результатов эмпирических исследований⁷. Положение Фуко «тюрьма – аппарат познания» – это не очередное подтверждение стилевых излишеств

⁵ Чрезвычайно широкий арсенал социологических исследовательских инструментов работы с мышлением демонстрирует недавно вышедшая и во многом экстраординарная для отечественной социологической традиции работа Александра Бикбова «Грамматика порядка: Историческая социология понятий, меняющих нашу реальность» [Бикбов, 2014].

⁶ Ср. также с замечанием Фуко: «История государства должна создаваться из самой практики людей, из того, что они делают, из того, как они мыслят. Государство как образ действия, государство как образ мысли...» [Фуко, 2011, с. 461].

⁷ Стоит, наверное, напомнить, что программа Бурдые по «объективации объективирующего субъекта» предполагала не разворачивание очередного витка рефлексивной работы мышления над самим собой, а вполне стандартные процедуры социологического исследования – работу со статистикой, реконструкцию социальных траекторий, интервью.

французского интеллектуального письма. Шокирует именно его буквализм, и именно поэтому оно является неприемлемым для стандартных версий философии науки. Фуко показывает, как и из чего был собран этот аппарат, какой тип знания он производил, о каких специфических объектах оно выстраивалось [Фуко, 1999]. До сих пор многие воспринимают как скандальное его заявление о том, что чтобы понять мышление классической эпохи (во французской историографии это XVII–XVIII вв.) нужно читать не «Рассуждение о методе» Декарта, а полицейские протоколы. Условием подобных ходов и их порой чрезвычайно кропотливой исследовательской реализации является принцип, согласно которому акты познания – это нередуцируемая часть самой социальной реальности. Акты познания должны быть поняты в данном контексте предельно широко. Речь не только о «научных» актах и часто описываемом Бурдьё «эффekte теории». Государственное картографирование территорий, артикулирующее логику политического господства и всегда содержащее элемент перформативного произвола, реформы орфографии и унификация системы мер и весов, повседневные классификации (типа «это попса», «это немодно», «круто!») и даже аффективные реакции тела в равной степени акты познания.

Множество исследовательских масштабов, множество рабочих объектов, множество устанавливаемых связей, множество эмпирически фиксируемых разрывов, множество способов исследовать науку (и знание) и рассказывать эпистемологические истории, варьирующиеся от микроисторий до «историй больших длительностей». И, как следствие, умножение неопределенностей. Мы перестаем быть уверенными в том, что знаем, *что такое наука и что такое знание*, каков их предельный состав, но уже подозреваем: вполне возможно, это плохо поставленные вопросы. Тогда как может быть помыслен, а главное – исследован «объект», который наиболее радикальные современные исследовательские стратегии лишили специфицирующих свойств (один из главных и постоянно воспроизводимых эффектов исторических и социологических исследований науки – это эмпирическая деконструкция универсального и нормативного⁸) или представ-

⁸ В самом представлении об историчности знания (или науки), поддерживаемом эмпирической очевидностью, не было ничего собственно нового. Философия XVIII–XIX вв. уже работает с этим представлением (например, Кондорсе, Гегель, Конт). Новым становится отказ от всех возможных форм трансцендентально-эмпирического удвоения и представления об истории как порядка производимого и поддерживаемого универсальными принципами, будь то диалектика духа или гуссерлевское трансцендентальное сознание, самой своей временной структурой (ретенция- «точка Теперь» – протенция) гарантирующей единство и непрерывность истории. Любой исторический порядок (в том числе порядок знания) становится порядком контингентности. Показательно замечание Галисона, что теория научного изменения, за построение которой в 1970-х гг. развернулась борьба между философами, уже не кажется возможной: «наука оказалась слишком гетерогенной для этого» [Galison, 2008., p. 111].

ляют его в качестве исторического пространства борьбы, одной из ставок которой является определение границ самого этого пространства (это одно из возможных прочтений теории поля науки Бурдьё)? Как работать с объектом, в котором отказываются видеть самотождественную сущность, по отношению к которой возможные конфигурации не более чем варианты в пределах заданного структурного типа, а базовой модальностью существования которого является контингентность? Возможна ли философская объективация науки, которая была бы антиэссенциалистской? Какие рабочие объекты исследования и регионы событий, связей и отношений сможет очертить подобный объективирующий жест? И какая возможна исследовательская работа с наукой и знанием, если предельным горизонтом объективации оказывается не *гомогенный порядок представления*, а *сложная (и при этом исторически изменчивая) множественность*?

Не является ли поэтому историческая эпистемология выражением особой чувствительности в отношении знания и науки (они по необходимости исторически изменчивые образования – эмпирическая констатация, ставшая, говоря словами Витгенштейна, «принципом описания») и одновременно тревоги и растерянности, а сам этот термин – именем неопределенности или, возможно, зоны отложений неопределенностей, неизбежно производимых новыми эмпирическими способами исследовать знание и говорить о нем?⁹ Историческая эпистемология – это некоторое не преодолевшее порог дисциплинарности концептуальное пространство, лишенное строгих границ и четких очертаний, где размещаются вследствие отказа от фундаментальных философских очевидностей в отношении знания его новые проблематизации и где пытаются с ними каким-то образом работать, в том числе в режиме радикального теоретического воображения и экспериментирования. Его симптом – концептуальный взрыв. «Диспозитив», «дисциплина», «власть/знание», «правительность» Фуко, «актор», «сеть», «лаборатория», «технонаука», «неподвижные мобильности» Латура, «топология», «хинтерланд» и «метод-сборка» Ло, «поле науки», «символическое насилие», «категория легитимной перцепции» Бурдьё, «коллективный эмпиризм», «эпистемические добродетели» и «зоны обмена» Дэстон и Галисона – только некоторые примеры попыток концептуализировать знание как гетерогенную эмпирическую множественность и научиться выстраивать исследования в режиме отказа от конечной (предельной) определенности.

⁹ В этом смысле статья Л.В. Шиповаловой [Шиповалова, 2017] и известная статья Галисона [Galison, 2008] – «образчики жанра» исторической эпистемологии.

Список литературы

- Бикбов, 2014 – *Бикбов А.* Грамматика порядка: Историческая социология понятий, меняющих нашу реальность. М.: Издат. дом Выш. Шк. экономики, 2014. 432 с.
- Бурдые, 2005 – *Бурдые П.* Дух государства: к генезису бюрократического поля // *Бурдые П.* Социология социального пространства. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперимент. социологии, 2005. С. 220–254.
- Дмитриев, 2015 – *Дмитриев И.С.* Упрямый Галилей. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 848 с.
- Дюркгейм, 1995 – *Дюркгейм Э.* О методе социологии // *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С. 5–164.
- Латур, 2015 – *Латур Б.* Пастер: война микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 320 с.
- Ле Гофф, 2003 – *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века / Пер. с фр. А.М. Руткевича. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2003. 160 с.
- Скотт, 2010 – *Скотт Д.* Благими намерениями государства / Пер. с англ. Э. Гусинского, Ю. Турчаниновой. М.: Университет. кн., 2010. 568 с.
- Фуко, 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Margnem, 1999. 480 с.
- Фуко, 2011 – *Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочит. в Коллеж де Франс в 1977–1978 учеб. году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
- Шиповалова, 2017 – *Шиповалова Л.В.* Стоит ли мыслить науку исторически? // *Epistemology & philosophy of science* / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 18–28.
- Crampton, 2010 – *Crampton J. W.* Mapping: A Critical Introduction to Cartography and GIS. N. Y.: Wiley-Blackwell, 2010. 232 p.
- Daston, Galison, 2007 – *Daston L., Galison P.* Objectivity. N. Y.: Zone Books, 2007. 512 p.
- Daston, Lunbek, eds, 2011 – *Histories of Scientific Observation* / Ed. by Daston L. and Lunbeck E. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2011. 480 p.
- Galison, 2008 – *Galison P.* Ten Problems in History and Philosophy of Science // *Isis*. 2008. Vol. 99. No. 1. P. 111–125.
- Shapin, Schaffer, 2011 – *Shapin S, Schaffer S.* Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle and Experimental Life. Princeton: Princeton University Press, 2011. 448 p.
- Turnbull, 2003 – *Turnbull D.* Masons, Tricksters and Cartographers: Comparative Studies in the Sociology of Scientific and Indigenous Knowledge. L.: Routledge, 2003. 276 p.
- Wood, 2010 – *Wood D.* Rethinking the Power of Map. L.; N. Y.: The Guilford Press, 2010. 335 p.

References

Bikbov, A. *Grammatika poryadka: Istoricheskaya sotsiologiya ponyatii, menyayushchikh nashu real'nost'* [The Grammar of Order: A Historical Sociology of the Concepts That Change Our Reality]. Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2014. 432 pp. (In Russian)

Bourdieu, P. "Dukh gosudarstva: k genezisu byurokraticheskogo polya" [Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field], in: Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social field]. St. Petersburg: Aleteia, Moscow: Institut eksperimentalnoi sotsiologii, 2005, pp. 220–254. (In Russian)

Crampton, J. W. *Mapping: A Critical Introduction to Cartography and GIS*. New York: Wiley-Blackwell, 2010. 232 pp.

Daston, L., Galison P. *Objectivity*. New York: Zone Books, 2007. 512 pp.

Daston, L., Lunbeck, E. (eds.). *Histories of Scientific Observation*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2011. 480 pp.

Dmitriev, I. S. *Upryami Galilei* [Stubborn Galileo]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 848 pp. (In Russian)

Durkheim, E. O metode sotsiologii [Rules of sociological method], in: Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology]. Moscow: Kanon, 1995, pp. 5–164. (In Russian)

Foucault, M. *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs leksii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977-1978 uchebnom godu* [Safety, Territory, Population. Lectures at the Collège de France in 1977-1978]. St. Petersburg: Nauka, 2011. 544 pp. (In Russian)

Foucault, M. *Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish]. Moscow: Ad Marginem, 1999. 480 pp. (In Russian)

Galison, P. "Ten Problems in History and Philosophy of Science", *Isis*, 2008, Vol. 99, No. 1, pp. 111–125.

Latour, B. *Voina mikrobov* [War and Peace of Microbes]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 320 pp. (In Russian)

Le Goff, J. *Intellektualy v srednie veka* [Intellectuals in the Middle Ages]. St. Petersburg: Izdat.dom SPbGU, 2003. 160 pp. (In Russian)

Scott, D. *Blagimi namereniyami gosudarstva* [Seeing like a state]. Moscow: Universitetskaya kniga, 2010. 568 pp. (In Russian)

Shapin, S., Schaffer, S. *Leviathan and the Air-Pump: Hobbs, Boyle and Experimental Life*. Princeton: Princeton University Press, 2011. 448 pp.

Shipovalova, L. V. "Stoit li nauku myslit' istoricheski?" [Should we conceive historically?], *Epistemology & philosophy of science*, 2017, Vol. 51, No. 1, pp. 18–28. (In Russian).

Turnbull, D. *Masons, Tricksters and Cartographers: Comparative Studies in the Sociology of Scientific and Indigenous Knowledge*. London: Routledge, 2003. 276 pp.

Wood, D. *Rethinking the Power of Map*. London, New York: The Guilford Press, 2010. 335 pp.